

ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВАНИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО РИМСКОМУ ПРАВУ

Аннотация: Хорошо известно, что проблема оснований ответственности в римском праве была глубоко и всесторонне разработана. Письменные источники свидетельствуют о том, что данному вопросу уделялось самое пристальное внимание, поскольку представления о причинах ответственности должника обуславливали функционирование хозяйственного механизма в целом. В представленной статье на основании исторического анализа излагаются воззрения римских юристов, сложившиеся по вопросам обоснования ответственности за нарушение имущественных обязательств.

Ключевые слова: Юриспруденция, римское право, должник, обязательство, основания ответственности, понятие вины, добрая совесть, принцип виновной ответственности, правомерное поведение, абсолютная ответственность.

Проблема оснований ответственности в римском праве была глубоко и всесторонне разработана. Письменные источники свидетельствуют о том, что данному вопросу уделялось самое пристальное внимание, поскольку представления о причинах ответственности должника обуславливали правовые предпосылки функционирования хозяйственного механизма, сложившегося в условиях развитой экономической формации. Важно отметить, что обоснование ответственности должника рассматривалось в единстве с представлениями о поддержании правопорядка, определяющего функционирование наиболее важных социальных институтов.

По общему правилу ответственность должника исходила из принципа виновной ответственности (является безнаказанным тот, кто причинил ущерб без вины... (Гай. Институции, III, 211)). Ответственность должника предполагалась, когда помимо сведений, ясно указывающих на виновность ответчика, появлялись доказательства наличия причинной связи между виной должника и наступившими убытками. Субъективным основанием договорной ответственности являлась недостаточная заботливость должника об имуществе кредитора, легковерность, недостаточная осмотрительность в выборе партнера и пр. Иногда допускалась ответственность и за случай (*casus*). Так, римское право возлагало ответственность на держателей трактиров, постоянных дворов, капитанов судов, при пропаже вещей постояльцев и путешественников. Ответственность исключалась только в случаях наступления вреда в результате действия непреодолимой силы (урагана, наводнения).¹ Характерно то, что в сочинениях римских юристов *damnum fatal*, *vis maior* рассматривались как особые разновидности случая.

Какого-либо универсального понятия вины в римском праве не существовало. Суммируя различные оп-

ределения, содержащиеся в римских источниках можно предположить, что представления о вине связывались с отступлением от общепринятых правил. В частности, из изречения Павла известно, что: «...если лицо соблюдало все, что нужно, ... то вина отсутствует» (D.9.2.30.3). Классическая теория обязательств, определившая развитие римской юриспруденции, исходила из перечня абстрактных обязанностей, охватываемых понятием *boni pater familias*, иногда из содержания общегражданской обязанности *neminem ledere*. Соответственно, виновная ответственность предполагала сознательное уклонение от соблюдения общепринятых правил, определявших содержание правоотношений, затрагивающих жизненно важные интересы.

Отступление от принципа виновной ответственности допускалось при наличии непреодолимой силы (*casus maior*), расцениваемой римскими юристами как случай, которому невозможно противостоять. Таковыми являлись: кораблекрушение, землетрясение, обвал, наводнение и иные неподвластные человеку стихии. *Casus maior* обладал свойствами публичного института, распространяющегося на частноправовые отношения. Исключение *casus maior* при перечислении условий исполнения обязательства соглашением сторон не допускалось. Гибель вещи при обстоятельствах *casus maior* освобождало должника от ответственности, если действию непреодолимой силы не предшествовала вина должника: «но и при непреодолимой силе должник несет ответственность, если к делу примешивалась его вина (D.44.7.1.4)». Хозяин домовладения не отвечал за повреждения соседнего дома, если с его крыши ветром снесло черепицу, поскольку сила ветра есть сила божественная» (39.2.24.4). Однако ответственность домовладельца допускалась в случаях, когда кровельные работы, проводившиеся по его распоряжению, проведены неквалифицированно.²

¹ М.М. Борисевич. Римское частное право: учебное пособие. — М. Юриспруденция, 2003. С. 148.

² Римское частное право: Курс лекций/Хутыз М.Х. Краснодар,

По мнению французских исследователей начала прошлого столетия, занимавшихся вопросами разложения ответственности, конструкция вины, разработанная римскими юристами, охватывала следующие виды противоправного поведения: *Faute contr l honnetete (faut moral)* — нелояльный с точки зрения гражданского и уголовного права поступок против *bona fides*; вина чисто нравственного порядка: «вина» при разводе, диффамации, соvrщении и т.п. *Faut contr l habilitete* — акты физической или интеллектуальной неловкости: неопытности, рассеянности, забывчивости *Faut contre la legalite* — действие, запрещенное законом по соображениям практическим (регламентации индустрии, ограничения собственности, правила циркуляции экипажей).³ Из сказанного видно, что юридическое содержание вины могло выражаться в расшатывании нравственных устоев общества, в недопустимой небрежности, в нарушении установленного правила поведения.

При определении вины римским юристам достаточно было воспользоваться представлениями о надлежащем поведении в определенной жизненной ситуации и, руководствуясь мерилем рачительного хозяина, вынести решение, отвечающее требованиям справедливости. Римские юристы руководствовались следующими рассуждениями: «мы имеем дело с проявлениями деятельности *pater familias* как врача, ремесленника моряка и т.д., которые стоят на высоте своего призвания, то есть мы должны признать *culpa* там, где обмануты справедливые ожидания и требования потерпевшего».⁴ При определении степени ответственности учитывалось, что лицо вовсе не должно быть первоклассным силачем, артистом, наездником, поскольку предполагалось, что право выставляет масштабом не знаменитость в данной профессии, а средние силы человека *habite ratione temporis aetatis sexus valetudinis* (L. 137 пар.2 D.45,L). Таким образом, при оценке надлежащего исполнения обязательства учитывались возможности среднего человека, занимавшегося определенной профессией, зарекомендовавшего себя квалифицированным специалистом, разбирающегося в соответствующих вопросах профессиональной деятельности.

Отклонение от законодательных предписаний ус-танавливалось на основании определения границ правомерного поведения. Во многом деятельность римских юристов облегчало то, что права и полномочия отдельной личности были строго регламентированы. Каждый знал примерные права и обязанности другого, вытекающие из общегражданских обязанностей и положения личнос-

ти, обусловленные иерархической лестницей. При этом исходным мерилем являлось поведение *pater familias*, обладающего определенной властью по отношению к домочадцам и семейному имуществу.

Римское право различало умысел (*dolus*) и неосторожность (*culpa*). Неосторожность имела три степени: *culpa lata* (грубая небрежность), *culpa levis* (простая небрежность), *culpa levissima* (легчайшая небрежность). Классификационным признаком в данном случае выступала мера необходимого внимания, степень рачительности, которая должна соблюдаться субъектом в процессе исполнения обязательства.

Dolus означал умысел, направленный на причинение ущерба собственнику (например, лицо, взявшее вещь на хранение, испортило либо уничтожило ее). Основным признаком умысла являлись обдуманность действий индивидуума, направленность действий на причинение вреда собственнику. В договорных отношениях данным термином обозначалось умышленное введение в заблуждение контрагента с намерением вызвать необходимое волеизъявление, поведение которое формирует ложное представление о намерениях стороны. Примером подобной сделки может служить умолчание продавца об известных недостатках товара. Признаком умысла являлась порочность воли, обычным проявлением которой считались: хитрость, манипуляция, уловка, ухищрение и пр. *Dolus* признавался основанием абсолютной ответственности. По римскому праву не признавались действительными договоры, в которых лицо заранее отказывалось от права возместить ущерб за умышленное причинение вреда.

Римское учение о вине исходило из того, что каждый человек обязан соблюдать абстрактную меру рачительности, одинаковую для всех. Ответственность за неосторожность основывалась на том, что при исполнении обязательства должник обязан был проявлять должную заботливость, бережливость, внимательность. В некоторых случаях на исполнителя лежала обязанность предпринимать меры по охране полученного имущества, использовать его по назначению и пр.

Ответственность за *culpa lata* обуславливалась тем, что должник не понимает того, что понятно каждому. Грубая небрежность римскими юристами приравнивалась к умыслу, поскольку нельзя представить, что лицо не желает правонарушения, но при этом предвидит и допускает его. Понятием *culpa lata* охватывались случаи причинения преднамеренных убытков, возникших вследствие обычного нерадения или неблагоразумного поведения.

Воззрения римских юристов сводились к следующим рассуждениям. Если кто обязывается *paraestar levem* или *omnem culpam*, то он подлежит ответственности за простые ошибки или недоразумения, но не освобождается совсем от нее, если не поступал во всем как добрый отец семейства, то есть благоразумно и внимательно, и

1993. С. 117.

³ Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине), М., 1907. 10.

⁴ Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине) М., 1907. С. 11.

вообще как человек опытный в подобных делах. Но при определении ответственности внимание обращалось не столько на эти общие правила, сколько на образ жизни обязанного лица; от него не требовалось высшей степени заботливости и внимательности, а только «*talem diligentian qualem in suis rebus adhibere solet*».⁵ При установлении вины использовался критерий среднего человека. Другими словами, вне *culpa* признавался индивидуум, который действовал так, «как поступил бы рачительный хозяин, которого в данном случае оправдал бы аттестат *boni paters familias*».⁶

Понятием *culpa levis* обозначалась легкая небрежность. На практике данная разновидность вины означала более строгую ответственность должника. В этом случае лицо несло ответственность, поскольку не соблюдало рачительности, свойственной «доброму» хозяину. Например, лицо, принимавшее вещь на бесплатное хранение, само в этом договоре не заинтересовано, поэтому за порчу или уничтожение вещи оно отвечало тогда, когда его можно признать допустившим грубую неосторожность. За легкую неосторожность лицо, бесплатно хранившее вещь, ответственности не несло. И наоборот, лицо, которому дали вещь в бесплатное пользование, отвечало даже за легкую небрежность, так как оно непосредственно заинтересовано в договоре.⁷

Culpa levissima — легчайшая вина была присуща отдельным договорам. При рассмотрении пограничных ситуаций, возникающих в деятельности римских юристов, принимались во внимание особенности ответственности определенного вида. Так, *culpa levis* предполагала недостаток заботливого отца семейства, то есть человека внимательного, рачительного и предусмотрительного, а *culpa levissima* должна предполагать недостаток еще большей заботливости. Следует, однако, учитывать, что многие исследователи высказывались о существовании всего двух степеней ответственности, свойственных римскому праву. По утверждению известных романистов, исследовавших вопросы возложения ответственности по римскому праву, *culpa levissima* самостоятельно не существовала и признавалась ответственностью, производной от *culpa levis*, употреблялась чисто в техническом значении в отдельных договорах.⁸

При определении идеальных границ хозяйственной сферы римские юристы прибегали к усредненным оцен-

кам, позволяющим определить степень ответственности в каждом конкретном случае. Считалось, что если должник получал пользу от обязательства, то на нем лежит *culpa levis*, если кто-либо получал пользование вещью путем не совсем справедливым, то он подлежит *culpa lata*, если оба контрагента получают выгоду от обязательства (при продаже, залоге или товариществе), то оба подлежат *culpa levis*.⁹

Понятие *culpa* означало всякую вину, однако в техническом отношении предполагало только неосторожную вину. К неосторожности приравнивалась неопытность, неумение исполнить взятое обязательство. Например, лицо берется выполнить известную работу и по неопытности выполняет ее ненадлежащим образом, юрист возлагает на него ответственность в виду того, что он взялся выполнить работу как мастер своего дела (*ut artifex D. 19.2.9.5*). В учении классических юристов *culpa* означала несколько оттенков неосторожной вины: *imprudens*, *imprudenter*, *ignorantia*, *improviso*. По общепринятому правилу к ответственности за небрежность лицо привлекалось вследствие ненадлежащего напряжения воли. Лицо признавалось виновным в том, что не принимало необходимых мер для устранения препятствий, возникших на пути исполнения обязательства.

В некоторых случаях должник мог извиниться тем, что он и в собственных делах допускал подобное невнимание (*culpa* или *deligentia in conereto, quam suis rebus*). В этих случаях субъект обязан был указать на те обстоятельства, вследствие которых наступила невозможность исполнения обязательства. На основании представленных данных выяснялось, имеется ли виновность, которая бы позволяла привлечь должника к ответственности. Для установления вины необходимо было сравнить действия должника с образом ведения его собственных дел. В одних случаях эта обязанность возлагалась на кредитора, а в других случаях на должника. Наличие одинаковой меры заботливости предполагало смягчение ответственности.¹⁰ Однако подобный прием применялся лишь в некоторых ситуациях: в ходе ведения дел от имени товарищества, управление мужем приданием жены и пр. В договорных отношениях должник отвечал за всякую вину (*omnis culpa*). В некоторых контрактах, клонящихся к выгоде одной стороны, должнику предоставлялась льгота отвечать только за *dolus* и *culpa lata*.

При изложении критериев виновного поведения римское право унаследовало черты архаического права, исходившего из представления о безответственном отношении к взятой вещи в обстановке, когда собственному

⁵ Маккензи. Р. Римское право сравнительно с законами Франции, Англии и Шотландии. М., 1864. С. 209.

⁶ Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учения римских юристов о вине) М., 1907. С.

⁷ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М. «Юридическая литература», 1972. С. 184.

⁸ Маккензи. Р. Римское право сравнительно с законами Франции, Англии и Шотландии. М., 1864. С. 209.

⁹ Маккензи. Р. Римское право сравнительно с законами Франции, Англии и Шотландии. М., 1864. С. 210.

¹⁰ Виндштейнд Б. Об обязательствах по римскому праву. СПб. 1875. С.45.

имуществу угрожает опасность. Наглядной иллюстрацией названного представления является пример о недобросовестном поведении коммодора, получившего вещи по ссудному договору. Последний признавался виновным за неисполнение условий договора, поскольку во время начавшегося пожара выносил свои вещи, а не переданные по договору. Виновная ответственность должника устанавливалась на том основании, что вещи коммодора остались невредимыми, в то время как переданное имущество погибло в результате пожара.

Римское право придерживалось принципа индивидуальной ответственности. Ответственность за чужую вину была возможна тогда, когда с нею совпадала собственная вина (*culpa in eligendo*). Однако здесь существовали исключения из общего правила. Лицо отвечало за действия другого лица при содержании общественного предприятия, при заключении договора о транспорте. Вопрос о степени вины рассматривался с учетом обстоятельств каждого конкретного случая. В первую очередь выяснялось, виновен ли должник в злоумышленности (т.е. сознательном создании невозможности исполнения обязательства). Если подобные подозрения не подтверждались, выяснялось по каким именно причинам обязательство не исполнено. Критерии надлежащего поведения определялись с учетом внимательности, которую каждый порядочный человек обращает на свои дела.

В некоторых случаях принцип вины учитывался при оспаривании имущественных прав. По общему правилу при пользовании чужой вещью лицо обязано возместить ущерб собственнику, если переданная ему вещь использовалась не по назначению. Однако, если вещь претерпевала существенные изменения в силу естественных причин без вины пользователя, ответственность его исключалась.¹¹ Недобросовестный владелец отвечал за произошедшую еще до предъявления иска гибель вещи, если с его стороны была допущена хотя бы легкая небрежность; за гибель вещи после предъявления иска он отвечал независимо от какой бы то не было в том вины с его стороны. Недобросовестный владелец обязан был возместить собственнику стоимость плодов от вещи, не только фактически им полученных, но и тех которые он мог получить при надлежащей заботливости.¹²

Известно, что римские юристы различали договоры строгого права и договоры, основанные на доброй совести. С развитием товарооборота наметился отход от строгого (формального) толкования договора в пользу толкования намерения сторон. При рассмотрении исков, основанных на доброй совести (*actio bona fidei*), судья имел право

ссылаться на возражение ответчика, апеллировавшего к справедливости. Кроме этого учитывалось недобросовестное поведение истца, соответствие сделки основам морали и нравственности. В этих случаях ссылка на *dolus* лишала сторону возможности воспользоваться судебной защитой. Процедура рассмотрения исков *bona fidei* отличалась тем, что осуществлялся «учет нравственных требований к поведению сторон в отношении друг друга ... злой умысел или насильственные действия, к которым прибегала одна из сторон, то есть так же и сторона истца. Без обязательности того, чтобы в формулу была включена соответствующая *exception*».¹³

Исходные представления об основаниях ответственности правонарушителя сформировались на основании учения о деликтной ответственности (*lex Aquilia*). Однако по мере развития торгового оборота отдельные положения этой теории переносились на обязательственные правоотношения. Обязательства из причинения вреда возникали при наличии следующих условий: а) вреда, причиненного потерпевшему; б) вины правонарушителя; в) соответствующего указания закона. Стоит сказать, что письменные источники содержат богатую казуистику, отражающую вопросы обоснования ответственности, возлагаемой на правонарушителя. Например, если военный и штатский метают копье, и если военный убьет проходящего раба этого достаточно для признания кулпа, если же штатский убивает раба при тех же обстоятельствах кулпа отсутствует, поскольку от первого требуется большей внимательности к проходящим.

Учение о деликтных обязательствах органически переплеталось с представлениями о границах правовой *insula*. При рассмотрении имущественного спора римские юристы руководствовались представлением о том, что каждое домовладение, хозяйственные объекты и орудия производства являлись предметом чьей-то правовой *insula*. Каждый индивидуум имел возможность поддерживать и защищать свою правовую *insula* всеми имеющимися правовыми средствами, обладал полной свободой действий внутри указанной сферы. В силу этого представления потерпевший ущерб от вторжения в сферу индивидуальных интересов имел право требовать возмещения убытков. В римской юриспруденции существовало воззрение, что сущность *culpa* состоит в том, что правонарушитель претупает границы своих правовых владений.¹⁴ Например, владелец участка может прогнать со своего поля заблудшую лошадь, но несет ответственность за побитие животного, если это привело к тяжелому ранению.

Возложение ответственности обуславливалось пре-

¹¹ Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М. «Юридическая литература» 1972. С. 131.

¹² Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М. «Юридическая литература» 1972. С. 123.

¹³ Санфилиппо Ч. Курс римского права: Учебник/ под ред д.В. Дождева. — М., 2000. С.108.

¹⁴ Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учения римских юристов о вине) М., 1907. С.18.

сечением границы правовой *insulia*, рассматриваемой в качестве несанкционированного нарушения социальной сферы, предоставленной определенному лицу в силу занятия определенным промыслом. В более широком смысле подобные действия предполагали отступление от свойственных занятий и профессиональной деятельности, а иногда совершение действия, совершать которое он не имеет права.

Правовая защита распространялась не на конкретное имущество, а на сферу имущественных прав, принадлежащих определенному индивидууму, включая то, к чему последний прилагает усилия. В пределах предоставленной ему власти лицо не могло совершить *culpa*. При рассмотрении спора надлежало выяснить, произошло ли вторжение в сферу индивидуальных интересов другой стороны в силу складывающихся условий хозяйствования или по причине совершения формально неправомерных действий. Таким образом, правовыми средствами защищался не собственник имущества, а ограниченная сфера хозяйственных интересов участника гражданского оборота.

По представлению римских юристов владелец имущества обязан знать орудия производства, используемые при выполнении работ, их назначение, основные преимущества и недостатки, способные привести к некачественному результату. При ненадлежащем исполнении выполняющей работы отвечал за последствия своей небрежности. По римским воззрениям *culpa* коренится в самом незнании, которое может проявиться в любой момент и сыграть решающую роль в цепочке случайностей, определившей наступление вредоносного результата. Таким образом, ответственность связывалась не столько с предвидением последствий своего поведения, сколько с соблюдением обязанностей изучения профессиональных приемов и технологий.

При рассмотрении частных вопросов римские юристы руководствовались содержанием правовых презумпций, определяющих мотивировку судебных решений. Например, считалось, что лицо, взявшееся выполнить определенную работу, не должно браться за несвойственное ему дело, если *tempus aetas sexsus valetudo* не позволяют порядочно исполнить дело. Каждый должен делать не только то, что он может в пределах своих сил, а то, что он должен уметь в пределах своего искусства (I. 137 пар. 137 пар. 2-3 D 45). Если лицо принималось за выполнение того, в чем оно не понимало и причиняло своими действиями убыток заинтересованному лицу, оно несло ответственность за то, что вводило в заблуждение последнего, принявшись не за свое дело. В этом состояла его *culpa*.

Таким образом, действовала презумпция профессиональной подготовленности специалиста, означавшая безусловную ответственность должника за малейшую погрешность, поскольку последний находился в пределах

своей правовой *insulia*. По расхожему представлению специалист и ответственный человек не допускают *impegricia* и *infarmatas*.

При вынесении судебных решений римские юристы обращались к понятию *deligencia*. Обозначенная категория означала профессиональный навык, ставший «второй природой» человека, определявший уровень профессионального мастерства. Римляне понимали, что ответственность возлагалась за упущения, свойственные представителю определенной профессии, принимавшему обязательство выполнить работу с учетом сложившихся представлений об оказываемой услуге. От человека не требовалось проявления выдающихся способностей. Каждая профессия требовала определенных качеств, которыми необходимо овладеть, если берешься за это профессионально. Законодательные установки исходили из следующих рассуждений: «от носильщика мы справедливо требуем твердость ног и равновесие, ибо постоянное упражнение для них делает их ремесло легким. От кучера мы требуем твердость рук, от охотника меткость и дальность зрения. Это не значит, что они должны отвечать за случай, который выходит из сил человека; повсюду требуется обычная заботливость, ответственность не идет далее того, что может искусство в своей области».¹⁵

По римским воззрениям понятие вины сформировалось из общепринятых представлений о свойствах *injuria*. Из немногочисленных комментариев классических юристов видно, что указанным понятием охватывалось то, что нарушало отношения, регулируемые правом. Очевидно, на определенном этапе развития торговых отношений происходит осознание того, что правонарушение обуславливается личностью правонарушителя. По замечанию ряда исследователей в «... понятии *injuria* издавна лежит момент *culpa*... Ставшие на эту точку зрения, мы вполне поймем юридическую возможность выработки субъективного понятия *culpa* из объективного понятия *injuria*».¹⁶

При рассмотрении спорных вопросов предполагалось, что индивидуум признавался свободным от ответственности, если под давлением складывающихся обстоятельств совершал действия, соответствующие принципу *honeste vivere se ipsum deserere turpissimum*, то есть на все, что лицо как *bonus pater familias*, обязан своему самосохранению, своей чести, своему имуществу, своему семейству. Это были пределы его правовых владений.

В работах римских юристов прослеживаются положения о допустимости обоюдной ответственности. Если деятельность причинителя вреда обуславливалась виновным поведением пострадавшей стороны, ответственность

¹⁵ Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учения римских юристов о вине) М., 1907. С. 33.

¹⁶ Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учения римских юристов о вине) М., 1907. С. 17.

не возлагалась. В ряде источников высказывалось мнение, что компенсируется *culpa с culpa, dolus м dolus* (I.36 D). Правонарушение не встречая *dolus с* обратной стороны должно вызывать реакцию судебной власти (4.3,1.3 пар. 3 D 2.10). Например, если кто-либо будет искалечен, попав в яму для ловли зверей, то решение судьи зависит от того, где находилась вырытая яма, если на собственном участке — то деликтная ответственность отсутствовала, если в каком-либо другом месте, то вырывавший яму обязан возместить нанесенный ущерб. Если на месте, специально отведенном для игры, проходил раб и метаящий копье ранит последнего, то деликтная ответственность на метателя копья не возлагается, поскольку раб проходил через площадь во внеурочное время.

При рассмотрении дела римские юристы искали преимущественно деформацию интеллектуальной сферы, волевые стремления причинителя ущерба правоприменителя практически не интересовали. Вся дальнейшая работа юристов уходила на то, чтобы отделить кульповное состояние от вредоносного деяния и обосновать ответственность из-за деяния, которое взятое *in genere* может рассматриваться как *res humana et naturalis* или *casus*.

Обращает на себя внимание то, что принцип виновной ответственности применялся наряду с принципом абсолютной ответственности. Наиболее характерным проявлением подобной практики являются унаследованные от законодательства архаического периода нормативные предписания об ответственности за *custodia*. Несмотря на то, что большинство юристов говорили об очевидном отмирании этого малопонятного института, соглашения о *custodia* долгое время оставались достаточно важным инструментом регулирования обязательственных правоотношений. Законодательные предписания свидетельствуют, что *custodia* широко практиковалась в различных сферах мореплавания, в некоторых отраслях натурального хозяйства, напрямую связанных с торговлей. По-сути, соглашение о *custodia* рассматривалось в рамках представления о партикулярной ответственности, обеспечивающей исполнение обязательства, и являлось производным представлением о возможном разложении ответственности на составляющие элементы, обусловленные отдельными условиями договора.

Исходной предпосылкой возложения ответственности за *custodia* послужила договорная ответственность, ограниченная рамками предвидения неблагоприятного исхода. При заключении торговых соглашений стороны могли договориться вообще исключить неосторожность из предусмотренных оснований ответственности должника, одновременно получая возможность максимально расширить пределы налагаемой ответственности, исходя из представлений о безусловной ответственности должника, поручающегося не только за себя, но и за действия третьих лиц находящихся у него в подчинении. Такую

ответственность несли судовладельцы и хозяева гостиниц за сохранность вещей пассажиров и постояльцев. Так, по высказыванию Гая, портной, принимающий платье в починку или утюжку, отвечал за сохранность вещи (Институции, III, 305).

Считается, что представления о *custodia* сформировались в рамках практики применения преторского эдикта *de receptor*. Предпосылкой применения названного эдикта являлось недобросовестное поведение хозяев кораблей, держателей трактиров и гостиниц, постоялых дворов, поддерживавших связи с ворами и разбойниками, которыми изобиловали торговые пути. Несмотря на существующую опасность, лица, которым приходилось проезжать по римским дорогам, пользовались предоставляемыми услугами и вынуждены были доверять последним, оставляя у них на хранение свои вещи.¹⁷ Нормы названного эдикта распространялись на ограниченный перечень лиц, охватываемых понятиями *nature, carons* и *stabulari*.¹⁸ Постепенно предписания преторского эдикта *de receptor*, находившегося под преторской защитой, переходили в содержание гражданских контрактов. В классический период соглашения о *custodia* становятся широко применяемым институтом.

Уполномоченными на принятие *receptum* признавались члены корабельной команды, участвующие в охране помещений и полученных грузов (корабельные сторожа, каютные служители, стюарды). Подобное распоряжение не распространялось на членов команды, осуществляющих техническое обслуживание судна (боцман, гребцы). Бремя ответственности за перевозку и сохранность переданных вещей возлагалось исключительно на судовладельца.

Carons принято было назвать всякого осуществлявшего мелкую торговлю на вынос или потребления на месте (например, вином, съестными припасами и др.). Такого рода деятельность была связана с содержанием закусочной, ресторана, гостиницы и других заведений, предназначенных для сдачи в наем помещений. Позднее данный термин использовался для обозначения содержателя гостиниц, открывающихся для принятия постояльцев.

Stabularii изначально римские юристы называли того, кто занимался в качестве промысла сдачей помещений для пребывания животных (загонов, конюшен). Но, поскольку обстоятельства вынуждали хозяина предоставлять жилище погонщику животных, названным понятием стали обозначать содержателя гостиницы открывшейся с соответствующей целью.

По иску, вытекающему из преторского эдикта *de receptor*, судовладельца и содержатели гостиниц отвечали за все имущество, поступившее в их распоряжение и подлежащее

¹⁷ Новицкий И.Б. Римское право. Римское право. изд. 4-е М.-1993. С. 205.

¹⁸ Пассек Е.В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. — М.: «Статут». 2003. С. 201.

охране. Считалось, что названные лица несут ответственность не за пропажу переданных вещей, поскольку отвечают вовсе не за охрану переданного, а за ненадлежащее оказанную услугу. Имущественная ответственность возлагалась преимущественно за пропажу вещей в результате совершенного деликта третьими лицами. Однако если вещи были украдены у пассажира корабля из сумки или кармана его одежды, судовладелец не мог нести ответственности за случившееся, поскольку вещи находились непосредственно у постояльца или пассажира судна.

Большинство исследователей полагают, что особенности *custodia* проявлялись в технической стороне налагаемой ответственности. При исследовании данного института большинство юристов придерживались следующего толкования: «тот, кто отвечает за *custodia*, несет безусловную ответственность за утрату находящейся у него чужой вещи, независимо от того будет ли причиной такой утраты кража или другие обстоятельства за исключением непреодолимой силы, однако за повреждение такой вещи такой безусловной ответственности на нем не лежит. В последнем случае он отвечает лишь за *culpa*, поскольку вернуть поврежденную вещь обязан безусловно». ¹⁹ Другими словами ответственность применялась за случай, не требовавший доказательств субъективной виновности ответственного лица.

Таким образом, соглашение о *custodia* являлось своеобразным «промежуточным» понятием, примиряющим крайние воззрения римской юриспруденции об основаниях ответственности неисправного должника, формирующим представление о разложении ответственности на конструктивные элементы, чрезвычайно важные в практическом отношении.

Библиография:

1. Андреев М.Н. Римское частное право. Учебник. София. 1962.
2. Борисевич М.М. Римское частное право: учебное пособие.- М. Юриспруденция, 2003.
3. Виндштейнд Б. Об обязательствах по римскому праву. СПб. 1875.
4. Ефимов В.В. Лекции по истории римского права. СПб.. 1898.
5. Маккензи. Р. Римское право сравнительно с законами Франции, Англии и Шотландии. М., 1864.
6. Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. Лекции. М. 1883.
7. Никонов С.П. Краткий учебник истории римского права. Ч. 1-2. Харьков. 1907.
8. Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М. «Юридическая литература», 1972.
9. Новицкий И.Б. Римское право. Римское право. Изд. 4-е М., 1993.
10. Омельченко О.А. Римское право. Учебник. Изд. 3-е. М., 2007.
11. Пассек Е.В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. — М.: «Статут». 2003.
12. Санфилиппо Ч. Курс римского права: Учебник/ под ред. В. Дождева. — М., 2000.
13. Хутиз М.Х Римское частное право: Курс лекций/. Краснодар, 1993.
14. Яблочков Т. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине), М., 1907.

¹⁹ Пассек Е.В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. — М.: «Статут». 2003. С. 238.